

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА В КОНТЕКСТЕ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТРАН ЮЖНОГО КАВКАЗА

Рашад Назим Оглы Кязимов, докторант Азербайджанского государственного экономического университета (Баку)

Для понимания современной ситуации на многомерном политическом и экономическом пространстве Кавказа, а также для разработки принципов и основных направлений формирования регионального интеграционного сообщества необходимо осмыслить и обобщить, прежде всего, основные экономические тенденции развития как всего Кавказа, так и отдельных его государств.

Каждая страна региона по-своему уникальна и выполняет свою, особую функцию, требующую отдельного исследования. При этом пристального внимания заслуживает изучение состояния и перспектив развития взаимоотношений между самими кавказскими государствами.

Сосредоточившись на анализе возможностей мирного урегулирования конфликтов, к сожалению, имеющих место в регионе, большинство современных исследователей Кавказа обходят проблемы, связанные с экономическими взаимоотношениями в регионе и перспективами их развития.

Учитывая нынешнее состояние рассматриваемых стран (как в отдельности, так и в совокупности), особенно их взаимоотношения, исследование перспектив интеграционных процессов на Кавказе имеет в определенной степени условный характер. При этом хотя бы частичное признание нецелесообразности такого исследования, по нашему мнению, означало бы приемлемость сохранения той ситуации разобщенности и противостояния, которая характерна для некоторых субъектов региона. В условиях глобализирующегося мира – особенно в долгосрочном плане – это не только нежелательно, но и принципиально нереально: Кавказ не может и не должен оставаться в изоляции от мировых интеграционных процессов. Вместе с тем мы твердо уверены, что для

интеграции в мировую экономику необходимо осмыслить соответствующие внутрорегиональные возможности.

Для развития в современном глобализирующемся мире отдельной страны особое значение имеет выполняемая ею международная экономическая функция. Ее формирование зависит прежде всего от сравнительных преимуществ данного конкретного государства, использование которых и определяет его место в мировой экономике. Однако многое зависит и от международных отношений этой страны – как с непосредственными географическими соседями, так и с государствами, определяющими основные направления мировой политики. Нередки случаи, когда та или иная страна не может в полной мере использовать свои сравнительные преимущества, если тому не способствуют ее международные отношения.

Международные отношения стран Центрального Кавказа во многом определяются их историческими корнями, которые в значительной степени влияют на формирование основных направлений внешней политики данных государств.

Среди центральнокавказских государств ярко выраженными сравнительными преимуществами характеризуется Азербайджан, богатый углеводородными ресурсами. К этому добавляется и выгодное географическое положение страны, способствующее ее использованию в качестве связующего транспортного звена. Однако вследствие географических особенностей Центрального Кавказа, реализация транспортного потенциала Азербайджана во многом зависит от других государств региона – Грузии и Армении.

Сравнительное преимущество Грузии – ее географическое положение вдоль транспортного коридора, соединяющего Европу и Азию, что и определяет международную экономическую функцию этой страны. Кроме того, она имеет возможность стать значительным транспортным звеном, связывающим Россию с Арменией и далее – с Ираном.

Потенциальной транспортной функцией характеризуется и Армения: как в направлении Запад – Восток (Турция – Армения – Азербайджан), так и Север – Юг (Россия – Грузия –

Армения – Иран). Для нее, как и для Грузии, особое значение имеет транспортный коридор Запад – Юг (Грузия – Армения – Иран), связывающий Черное море с Персидским заливом.

Проблема заключается в том, насколько международные отношения стран Центрального Кавказа способствуют использованию их сравнительных преимуществ.

Проблема нефти и газа в современной мировой экономике и политике настолько значима, что именно она во многом определяет характер отношений многих государств к Центральному Кавказу. Неудивительно, что углеводородные ресурсы Азербайджана и маршруты их транспортировки, имеющие огромное геостратегическое значение, сразу же обусловили свои положительные и отрицательные эффекты – как для самой страны, так и для всего региона.

Положительные эффекты связаны в основном с западными государствами, которые стремятся получить доступ к максимально возможному количеству альтернативных источников нефти и газа и поэтому заинтересованы в освоении азербайджанских энергоресурсов и создании альтернативных трубопроводов их транспортировки. Этим и объясняется приток значительных прямых иностранных инвестиций – как в экономику Азербайджана, так и других стран Кавказа (Грузии и Турции), через которые проходят трубопроводы.

Что же касается отрицательных эффектов, то их вызывают прежде всего региональные конкуренты в добыче и транспортировке нефти и газа – Россия и Иран, – которые всеми имеющимися в их распоряжении средствами стараются подчинить своему влиянию эксплуатацию и, особенно, доставку азербайджанских углеводородов.

Для Азербайджана особое значение имеет этническая, культурная и языковая близость с Турцией, что обуславливает единство их позиций по многим международным вопросам, проявившееся, как и следовало ожидать, при определении маршрута транспортировки нефти и газа.

Несмотря на то, что кратчайший путь, связывающий Азербайджан с Турцией, проходит

через Армению, выбору данного потенциально наилучшего с экономической точки зрения маршрута помешали сложные отношения между названными странами.

Во-первых, это конфликт между Арменией и Азербайджаном вокруг Нагорного Карабаха, а также захват армянскими вооруженными силами азербайджанских территорий вне этого региона, не говоря уже о нарушении железнодорожной связи Азербайджана с его автономией – Нахичеваном. Все это однозначно определило отрицательную позицию официального Баку по использованию армянской территории в качестве транспортного коридора.

Во-вторых, Турция, поддерживающая Азербайджан, тоже блокировала транспортные коммуникации с Арменией. Здесь же необходимо отметить, что и у Еревана есть свои претензии к Анкаре, касающиеся признания так называемого «геноцида армян» в начале XX в. К тому же относительно частая идентификация армянами азербайджанцев с турками является причиной того, что первые воспринимаются армянами как народ, причастный к упомянутому «геноциду».

Вышеизложенное служит убедительным примером тому, что использование Армении как кратчайшего пути, связывающего Азербайджан с Турцией, помешали напряженные отношения с этими странами.

Немаловажно отметить, что в Нагорно-Карабахском конфликте Россия с самого начала встала на сторону Армении. Здесь же отметим, что в результате прямой и откровенной поддержки сепаратистских движений в Абхазии и Южной Осетии Россия противопоставила себя и Грузии.

В итоге военно-политический союз между Ереваном и Москвой оформился как стратегическое партнерство. Признав авангардную оборонительную функцию Российской Федерации на Центральном Кавказе, Армения тем самым приобрела не совсем лестный для суверенного государства статус форпоста России на Кавказе.

Исключение армянского маршрута транспортировки нефти и газа из Азербайджана на западные рынки способствовало росту целесообразности использования грузинского

направления, что и было фактически реализовано. Геополитически, особенно с учетом конфликта между Арменией и Азербайджаном, Грузия имеет ключевое положение на Центральном Кавказе: ей приходится выполнять в регионе функцию «связующего звена».

Сразу же после обретения государственной независимости Грузия сделала свой стратегический – прозападный – выбор. Находясь среди стран со значительными системными факторами риска, связанными прежде всего с высоким уровнем коррупции, Грузия обладает низкой инвестиционной привлекательностью, хотя реализация маршрута нефтепровода БТДР и связанных с ним проектов открывает новые возможности «расширения» инвестиций вне энергетического сектора. Эта ситуация значительно улучшилась после «революции роз», ибо возросло доверие к стране, в постреволюционных преобразованиях официально провозгласившей приоритетность демократических ценностей.

Практически с зарождения идеи транспортировки каспийской нефти на Запад, а также строительства с этой целью нефтепровода БТД (в обход территорий России и Ирана), Азербайджан, Грузия, Турция, фактически представляли одну «команду» (при значительной поддержке США). Это вполне соответствовало основным целям Белого дома в регионе: изоляция Ирана, превенция восстановления монопольной позиции России на Кавказе, помощь Турции в возрастании ее влияния в регионе, поддержка американских компаний в инвестировании государств Кавказа [1].

После известных трагических событий 11 сентября 2001 г. к этим целям добавилось содействие Соединенными Штатами такому развитию стран региона, которое обеспечило бы предупреждение новых террористических актов и способствовало бы успешному завершению войны против терроризма.

Вместе с тем необходимо учесть и то, что достижение национальной энергетической безопасности возведено администрацией Белого дома в ранг высшего приоритета, в рамках которого особое значение приобретает международная энергетическая политика официального Вашингтона, в частности,

в Каспийском регионе. Стратегию США на Кавказе можно определить как «множественность трубопроводов», что означает добавление к существующим трубопроводам новых.

Тем не менее интересы Соединенных Штатов в регионе не исчерпываются лишь интересами энергетического характера. Задачи США заключаются в поддержке бывших советских республик региона в искоренении негативного наследия экономики распавшегося СССР, развитии рыночной экономики, включая частный сектор, создании прочных основ экономического роста, утверждении норм права, разрешении социальных и экологических проблем, а также обеспечении получения выгод от освоения энергетических ресурсов и разветвленных экспортных магистралей.

Не случайно «каспийская политика» США по предотвращению восстановления монополюльной позиции России в регионе, воспринимается как политика, направленная против самой Российской Федерации, однако в действительности это не так. Согласно официальной позиции США каспийские энергетические ресурсы являются средством для потенциальной кооперации с Россией. Наряду с этим возможность кооперации между США и Россией охватывает и такие сферы, как содействие экономическому развитию государств региона, предотвращение религиозного и политического экстремизма, а также международного терроризма. Именно кооперация и партнерство, а не конфликт интересов США и России могут способствовать достижению максимальных положительных результатов в использовании энергетических ресурсов Каспийского региона.

Реализация принципов кооперации и взаимодействия может обеспечить соблюдение интересов и стран Кавказа. Однако, к сожалению, понимание этих принципов и практическое следование им в регионе является наиболее сложной для российской стороны задачей. Вместе с тем так называемые «замороженные конфликты» на территориях государств Центрального Кавказа значительно ограничивают возможности экономического (и не только) сотрудничества между ними, что отнюдь не исключает поиска путей взаимодействия [2].

В последнее время к странам черноморского региона усилилось внимание ЕС. Здесь же необходимо подчеркнуть, что взглядам европейских лидеров на развитие Центрального Кавказа в наибольшей степени соответствуют проекты ТРАСЕКА и ИНОГЕЙТ, а функционирование нефтепровода БТД рассматривается как важная составляющая европейской энергобезопасности. Более того, система нефтепроводов черноморского региона может быть использована как значительная составляющая стратегии ЕС «расширенная Европа». В этом контексте очень важно значение Грузии и Азербайджана как потенциальных претендентов на вхождение в европейские и трансатлантические структуры.

Однако каспийские энергетические ресурсы могут принести Центральному Кавказу не только пользу, но и создать угрозу для его стран, что предопределено опасениями руководства России ростом западного влияния на регион, которое якобы угрожает национальной безопасности этой страны и противоречит ее интересам.

Основные экономические «пристрастия» России в регионе каспийских энергетических ресурсов можно сформулировать следующим образом: развитие обоюдовыгодных торговых и экономических отношений со странами Центрального Кавказа, использование их транспортных «емкостей», участие в добыче и транзите энергетических ресурсов. Следует отметить, что за счет экспорта нефти и газа Россия получает приблизительно 50% суммарных поступлений твердой валюты в госбюджет. Естественно, РФ не заинтересована в том, чтобы оставить без своего контроля доходы от каспийских энергоресурсов, приходящиеся на долю других стран [3].

По признанию ряда российских экспертов строительство нефтепровода БТД противоречит интересам Москвы. Справедливости ради следует отметить, что и некоторые западные специалисты выступают с поддержкой ее позиций и критикуют Вашингтон в отношении проектов новых нефтепроводов, хотя это никак не соответствует реалистичным взглядам на положение в регионе, тем более официальной позиции Запада. Российских политиков не оставляет идея возрождения империи (хотя

бы в модернизированном виде), что нашло отражение в концепции создания так называемой «либеральной империи», согласно которой РФ может и должна восстановить свое экономическое влияние на всем постсоветском пространстве путем экономической экспансии.

План вовлечения Кавказа в формируемую «либеральную империю» Россия начала осуществлять со своего стратегического партнера в регионе – Армении: в конце 2002 г. было подписано российско-армянское соглашение «Имущество в обмен на долг», которое практически сразу же вступило в силу. Согласно указанному документу Россия получила от Армении предприятия, общая стоимость которых оказалась достаточной для полного погашения армянского долга РФ, составившего 93 млн долл. Активность России в Грузии на этом направлении, проявлявшаяся еще до «революции роз», после нее значительно усилилась, чему способствовал и официальный Тбилиси. Необходимо отметить, что в случае успешного осуществления упомянутого российского плана в Грузии, в эту имперскую схему будет легче вовлечь и Азербайджан, ибо все его главные транспортно-коммуникационные артерии, в том числе и основные трубопроводы, проходят через грузинскую территорию.

Однако, как понятно из сказанного, российская сторона не только не заинтересована в прохождении транспортного коридора через Грузию, в частности в прокладке магистральных трубопроводов по ее территории, но и не отказывается от использования всевозможных механизмов, препятствующих реализации этих проектов.

Согласно распространенному среди российских экспертов мнению грузинская общественность преувеличивает роль России в дестабилизации политической ситуации в Грузии с целью приостановить строительство нефтепроводов, связывающих Баку с Черным морем и Средиземноморьем. И все же эти специалисты признают наличие фактов, подтверждающих определенные негативные действия Москвы в отношении официального Тбилиси.

В данном контексте интересным представляется суждение, согласно которому будущее

контактов Запада с Россией во многом предопределяется итогами российско-грузинских отношений: чему отдаст предпочтение Москва – иметь процветающего и стабильного соседа в виде Грузии, или сохранить «пленника из имперского прошлого».

По признанию российских экспертов стратегическими партнерами РФ, выступающими против создания транспортного коридора Европа – Кавказ – Азия, являются Иран и Армения. Совпадение ряда интересов России и Ирана в регионе, конкретно – в отношении каспийских энергетических ресурсов (и не только), подчеркивают как российские, так и иранские специалисты. Практически они единодушны в скептических оценках экономической (и не только) стороны проекта нефтепровода БТД. Эту точку зрения разделяют и некоторые западные эксперты [4].

Особое огорчение Тегерана вызвало его исключение (по настоянию Вашингтона) из проектов освоения и транспортировки азербайджанских энергетических ресурсов. Небезосновательно мнение, согласно которому Иран имеет невыгодное географическое положение, ибо основные потребители каспийских энергетических ресурсов больше заинтересованы в инфраструктуре Восток – Запад, нежели в транспортировке нефти через Персидский залив. В этом плане немаловажно отметить, что Иран реально заинтересован в Грузии, которую он рассматривает как значительный отрезок транспортного коридора, связывающего ИРИ с Европой.

Вместе с тем вызывают удивление высказывания по поводу того, что нефть и в целом энергетические ресурсы каспийского бассейна должны стать основой прогресса стран региона, а меры США по исключению Ирана из схем нефтепроводов якобы сдерживают этот процесс. Во-первых, на примере большого количества государств показано, что нефть и другие энергетические ресурсы далеко не всегда обеспечивают поступательное движение той или иной страны; во-вторых, нельзя считать аргументированным утверждение, что исключение Ирана из нефтепроводных маршрутов и включение в них новых государств мешают прогрессу последних.

Необходимо констатировать, что ИРИ приветствует региональную кооперацию как инструмент мира и стабильности, что само по себе имеет позитивное значение.

Как отмечено выше, для экономики Грузии и Армении особое значение имеет реализация проекта транспортного коридора через Грузию, Армению и Иран, что может рассматриваться в качестве составной части более масштабного проекта – транспортного коридора Север – Юг. Однако этот проект имеет и свои недостатки. Данный транспортный коридор естественным образом подразумевает участие РФ, а также использование транспортной магистрали Россия – Грузия – Армения – Иран. Эта проблема непосредственно касается как введения в эксплуатацию паромной связи между грузинским портом Поти и российским портом Кавказ, так и восстановления железнодорожного сообщения между Россией и Грузией, а точнее – абхазского участка грузинской железной дороги, движение по которому было прервано в августе 1992 г., после начала вооруженного конфликта в Абхазии.

В возобновлении работы магистрами заинтересованы прежде всего стратегические партнеры – Россия и Армения. Для Грузии – без реального продвижения вперед в сфере мирного урегулирования абхазского конфликта – данный проект может обернуться потерей более или менее действенного механизма в переговорах с Москвой, подразумевающих непрепятствование процессу территориальной реинтеграции Грузии хотя бы взамен реанимации железнодорожного сообщения с Арменией. При этом не следует забывать, что возможность мирного разрешения конфликта в Абхазии создаст прецедент, который способен возыметь для Армении отрицательный международный «эффект» в плане будущего статуса Нагорного Карабаха. Вместе с тем необходимо брать в расчет тот факт, что и без восстановления абхазского участка железной дороги интересы армянской стороны учитываются в железнодорожно-паромной связи между портами Поти и Кавказ.

Острота данной проблемы возрастает, если исходить из того, что официальные круги Армении рассматривают несколько проектов

строительства железнодорожной ветки в Иран, оцениваемых от 700 млн до 1 млрд долл. Более того, эти проекты рассматриваются в «едином контексте» с возможностью возобновления железнодорожной связи с Россией через Грузию. При этом существуют мнения, что восстановление абхазского участка железной дороги усилит противостоящую официальному Тбилиси коалицию Москва–Ереван–Тегеран, приведет к «физической стыковке» оси Россия–Армения–Иран и ослабит влияние в регионе Соединенных Штатов. А это является одной из основных задач российско-иранского сотрудничества.

По мнению Ю.Шишкова, в теоретическом плане железнодорожная линия Россия–Грузия–Армения–Иран должна способствовать укреплению экономических отношений этих стран. Однако с учетом возрастания для всего цивилизованного мира опасности, исходящей прежде всего от Ирана, сомнительность целесообразности железнодорожной связи с ним его «откровенного» партнера – России – очевидна [5].

Невозможность использования Арменией и Грузией сравнительных преимуществ потенциального транспортного коридора Север – Юг еще раз свидетельствует об экономических потерях стран региона из-за политических сложностей, существующих на всем Кавказе.

Будущее государств Центрального Кавказа во многом зависит от урегулирования в регионе конфликтов и принципиального изменения подходов соседей к этим странам: Азербайджан, Грузия и Армения, должны восприниматься ими не столько как «объекты их влияния», сколько как партнеры в региональных экономических (и не только) проектах. Тогда и экономическое значение как Центрального, так и всего Кавказа еще более возрастет, вследствие чего заинтересованность «крупного международного капитала» в инвестировании региона будет способствовать его экономическому развитию. В результате сравнительные преимущества стран Центрального Кавказа, в частности Азербайджана, будут реализованы в полном масштабе, что положительно скажется не только на состоянии этих государств, но и всего международного сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дорогин, В.* Стратегия геоэкономического возрождения России и приоритетные направления ее развития и реализации / В. Дорогин, Э. Шевелев // Вестник Академии военных наук. – 2003. – № 3(4). – С. 142.
2. *Морозов, И.Н.* Геоэкономические реалии и безопасность / И.Н. Морозов. – М.: Молодая гвардия, 2001. – С. 211.
3. *Сапир, Е.В.* Геоэкономическое измерение локальных систем: теория и методология глобально-локального анализа / Е.В. Сапир; под общ. ред. Э.Г. Кочетова. – Ярославль: Изд-во Яросл. гос. ун-та, 2004. – С. 314.
4. Экономические стратегии стран СНГ и Россия / отв. ред. А.Н. Барковский. – М.: Изд-во РУДН, 2003. – С. 79.
5. *Шишков, Ю.В.* Ближнее и дальнее зарубежье в экономической стратегии России / Ю.В. Шишков. – М.: ИМЭМО, 1997. – С. 193.

РЕЗЮМЕ

Автор видит будущее государств Центрального Кавказа в переходе к мирному сосуществованию и принципиальном изменении подходов к ним соседних стран. Тогда и экономическое значение как Центрального, так и всего Кавказа еще более возрастет, вследствие чего заинтересованность «крупного международного капитала» в инвестировании региона будет способствовать его существенному экономическому развитию.